ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕОСВЯЩЕННОГО ФЕОФИЛАКТА, АРХИЕПИСКОПА ТВЕРСКОГО

А.В. Панибратцев

Публикуемые здесь отрывки взяты нами из логического курса преосв. Феофилакта (Лопатинского), читавшегося им на латыни в стенах Московской славяно-греко-латинской академии в 1705 г. Ранее на русский язык логические трактаты преосв. Феофилакта не переводились вовсе, несмотря на то, что значение их в истории русской философии недооценить трудно[1]. Наша публикация, думается, оживит интерес к столь прочно забытому автору, славное имя которого, к сожалению, редко упоминается даже в сравнительно полных обзорах истории отечественной мысли XVIII столетия.

Прежде чем остановиться на сути проблем, излагаемых в отобранных для публикации отрывках, скажем несколько слов об общем характере преподавания в Московской академии первой четверти XVIII в., поскольку содержание любых философских курсов всегда находилось и будет находиться в прямой зависимости от целей образования.

Отцы-основатели Московской академии греки Лихуды вскоре претерпели катастрофическое крушение, несмотря на бурное начало своей педагогической деятельности[2]. Поднять научную и преподавательскую работу на должный уровень удалось только через четверть века, главным образом, трудами молодого ученого иеромонаха Феофилакта[3].

Федор Леонтьевич Лопатинский родился на Волынщине в дворянской семье. Точных сведений о годе его рождения не имеется, но в силу того, что он был товарищем Прокоповича по учебе в Киево-Могилянской академии, дату рождения Лопатинского можно отнести к концу 70–началу 80-х годов XVII в.

Волынь в XVII в. территориально входила в состав королевства Польского, однако население этой области исторически тяготело к Украине и к Московскому государству. Известно, что первый московский митрополит Петр (скончался в 1236 г.) был волынским уроженцем.

Как уже было сказано, первоначально Лопатинский учился в Киево-Могилянской академии, затем он предпринял путешествие по Европе с образовательными целями. Известно, что будущий про-

фессор Московской академии обучался в Польше и Италии. В 1702 г. его уже можно было встретить в Москве, а с 1704 по 1706 г. Феофилакт читает философские лекции в реформированной Славяно-греко-латинской академии. Затем он сразу переходит к чтению теологического курса, который был завершен только в 1710 г. В соответствии с академическими правилами Феофилакт с 1706 по 1708 г. занимал должности префекта, а с 1708 по 1722 г. – ректора Московской славяно-греко-латинской академии, будучи одновременно настоятелем Заиконоспасского монастыря.

Первоначально академия была задумана как всесословное учебное заведение. Большинство исследователей вопроса считает, что так дело обстояло в действительности. Подобного мнения придерживались Н.Ф. Каптерев, П. Знаменский, Н.М. Никольский[4], Б.Н. Райков: «Петр даже московскую духовную академию, с ее пиитикой, риторикой, философией и богословием собирался превратить в род политехникума, чтобы оттуда выходили люди "во всякие потребы – воинствовати, знати строение и докторское врачевское искусство"»[5].

В.В. Аржанухин считает, что "учебные заведения не являлись школами профессиональной подготовки церковных кадров, а были открыты по инициативе светской власти и для нужд государства"[6].

Противоположной точки зрения придерживался до революции М.Ф. Владимирский-Будагов, считавший, что правительство преследовало цели постановки в стране сословно-профессионального образования[7]. В наше время эту точку зрения поддерживают православные историки Церкви: "В России в тот период нужна была не просто высшая школа, а ...богословская школа"[8].

Первая точка зрения представляется намного более правомерной. Так, советский историк А.И. Рогов еще в конце 50-х годов убедительно показал, что первое десятилетие XVIII в. в Московскую академию принимались представители всех сословий. Наряду с потомками знатных родов – Голицыными, Урусовыми, Одоевскими и Гагариными на школьной скамье обучались и дети духовенства, и мещане, и солдатские дети, причем последние численно преобладали[9].

Кроме русских, украинцев и белорусов тут учились грузины, южные славяне, греки, австрийцы (немцы), поляки, венгры, литовцы и татары. Впоследствии, однако, положение изменилось. В силу указа 17 октября 1723 г. дворянам было запрещено оставаться в школах по достижении 15-летнего возраста, а в указе Синода от 7 июня 1728 г. говорилось: " помещиковых и крестьянских детей, также непонятных и злонравных... отрешить и впредь таковых не принимать". Именно в силу этого указа сыну холмогорского помора М.В. Ломоносову при поступлении в академию пришлось скрыть свое крестьянское происхождение.

Общесословные, по сути дела, допетровские традиции сохраняли свою жизнеспособность наперекор всему, и только при митрополите Платоне (Левшине) Московская академия окончательно превращается в чисто духовное, с предпочтением к монашеству, учебное заведение.

В первой половине XVIII столетия уровень философского образования существенно не повысился, и это несмотря на усилия таких выдающихся просветителей, как преосв. Феофилакт или преосв. Гедеон. Разгадка помянутого печального явления, в целом, кажется довольнотаки несложной. Дело народного просвещения, и, в том числе, достойной организации высшей школы было окончательно провалено благодаря губительной политике правительства, во главе которого возвышался "известный шкипер, бомбардир и капитан"[10].

Публикуемые нами отрывки рукописного логического курса дают общее представление о схоластическом методе философствования, принятом во многих, как правило, католических учебных заведениях XVII–XVIII столетия. Для печати отбирались немногие фрагменты (общий объем курса составляет около 30 п. л.), которые, впрочем, представляются нам достаточно концептуальными.

Учение о причинах логического вывода, иными словами, об источнике человеческого знания (§ 639–659), на первый взгляд, обременено излишними схоластическими тонкостями. Мы остановились на данном отрывке с той целью, чтобы читатель мог составить себе мнение о философской стилистике той далекой эпохи. Но даже за плотным частоколом дистинкций авторская позиция хорошо различима: преосв. Феофилакт твердо настаивает на онтологичности истины и активной гносеологической заданности человеческого разума. В силу этого общий ход философской мысли преосв. Феофилакта допустимо определить как интеллектуализм, одинаково противоположный рационализму и сенсуализму.

Мыслительная деятельность как таковая, по мнению преосв. Феофилакта, вовсе не уполномочена выступать в качестве гаранта приближения к истине. Человеческий разум в познавательной деятельности играет активную роль, ведь без его действенного участия, согласия, истинный вывод получить не удастся. Достоверность и очевидность (§ 680–684), столь любезные сердцам правоверных картезианцев, не могут служить самоцелью философского исследования, поскольку отличаются субъективным характером. В связи с этим интересно отметить некоторое пренебрежение к математическим дисциплинам, выражавшееся, в частности, в том, что соответствующему курсу уделялось весьма скромное место в общем компендиуме школьных знаний, подлежащих обязательному усвоению. "В сущности, отказ от математики был отказом от математической эпистемы эпохи, от самой идеи формализованного порядка, в пределе – от рационализма"[11].

Старый, как мир, вопрос о совместимости знания и веры приобрел для нас специфическую актуальность после того, как атеистическая идеология выказала свою полную несостоятельность. Утверждения о том, что в прошлые века "дух научный прорастал на христианской почве, а в нашей теперешней жизни очевидное приходится ограждать от разрушительных сил неверия"[12] в целом не далеки от истины. Ограждать христианскую науку от помянутых сил, впрочем, не с меньшей энергией приходилось и ранее. К примеру, в первой четверти XVIII в.,

когда атеизм в целом ряде стран карался мечом закона, а рассуждения о веротерпимости расплывались в неясной перспективе футурологических упований, число вольнодумных сочинений, несмотря на видимые препятствия, увеличивалось прямо-таки в геометрической прогрессии[13].

Наши переводы, по сути дела, – одна из первых проб в данной области научных исследований, поэтому автор заранее считает себя обязанным тем читателям, которые соблаговолят высказать свои замечания и уточнения. Amicus Plato sed magis amica veritas.

* * *

Перевод выполнен по: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 173/1, № 289, p. 16–175 Passim.

[1] *Воробьев В.В., Симонов Р.А., Стяжкин Н.И.* Новое в философской литературе о логике в средневековой России // Филос. науки, 1984, № 1, с. 149.

[2] О деятельности Лихудов Софрония и Иоанникия см.: *Николаев И.Н.* Материалы к биографии Лихудов. М., 1881; *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1889; *Лихачев Н.И.* Портрет Иоанникия Лихуды. СПб., 1902; *Копыленко Н.М.* Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов // Византийский временник. 1961, с. 251–274.

[3] Подробнее см.: *Панибратцев А.В.* Философское наследие Московской славяно-греко-латинской академии // Философия и культура в России: методологические проблемы. М., 1992, с. 32–45.

[4] *Никольский Н.М.* Духовные учебные заведения // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат, т. 19, с. 204.

[5] *Райков Б.Н.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л. 1947, с. 179.

[6] *Аржанухин В.В.* Философское образование в России в XVII веке // Филос. науки, 1987, № 2, с. 57.

[7] *Владимирский-Будагов М.Ф.* Государство и народное образование в России XVIII в. Ярославль, 1874, с. 143–144, 154–155.

[8] *Экономцев И.* Основание славяно-греко-латинской академии // Журнал московской патриархии, 1985, № 2, с. 69.

[9] *Рогов А.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР, 1959, № 3, с. 147.

[10] *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. // Избранные труды. Записки. М., 1983, с. 94.

[11] *Свасьян К.А.* Становление европейской науки. Ереван, 1990, с. 255.

[12] *Священноинок Аполлинарий (Дубинин).* Христианские ценности и методология научного поиска // Журнал Историко-богословского общества, 1991, №12, с. 22.

[13] Речь идет о Западной Европе и, в частности, о Германии. См.: *Hettner H.* Geschichte der deutschen Literatur im XVIII Jh. B., 1961, 9 Aufl., Bd. 1, S. 29–42. Старая, но отнюдь не потерявшая своего значения работа, русский перевод которой вышел со значительными сокращениями.